Лебедева Галина Николаевна,
к.филос.н., доц. кафедры философии,
ГАОУ ВО Ленинградской области
«Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина»
Тел.: +7 921 8827155
E-mail: gal_le@list.ru

«ИСПОВЕДЬ РУССКОГО НАРОДА» И НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПАНСЛАВИЗМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Аннотация: Издания М.Н. Каткова (журнал «Русский Вестник», газета «Московские Ведомости», воскресное приложение «Современная Летопись Русского Вестника») читала вся Россия – от императора до мещан и грамотных крестьян. Катков был одним из тех отечественных журналистов, которые формировали общественное мнение и активно влияли на политику Российской Империи. Реформы, укрепляющие страну и её политический строй, он поддерживал, но изменения, которые грозили России смутой, он осуждал. Катков освещал все важнейшие события эпохи. Например, Славянский съезд, проходивший в Москве в 1867 г. В своих изданиях М.Н. Катков, в частности, в публикациях, посвящённых Съезду 1867 г. проводил чёткую идеологическую работу с целью пробуждения в русском обществе интереса к своим соплеменникам. Причём сам Катков в этот год в своих статьях настойчиво отказывался от любого активного правительственного вмешательства в славянский вопрос. Идее славянского единства Катков был верен всю жизнь. На закате своей жизни, в 1887 г., он писал: «Панславизм в России не есть программа какой-либо партии, а политическая исповедь русского народа».

Ключевые слова: славянский съезд, М.Н. Катков, В. Макушев, Й. Штройсмайер, австрославизм, Ф. Палацкий

Galina Nikolajevna Lebedeva,
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Philosophy
Leningrad State University named after A.S. Pushkin

Phone: +7 921 8827155

E-mail: gal_le@list.ru

“CONFESSION OF THE RUSSIAN PEOPLE” AND NON-OCCURRING PAN-SLAVISM IN THE SECOND PART OF THE 19TH CENTURY

Abstract: The whole Russia read Katkov's publications (The Russian Herald magazine, The Moscow Gazette journal and Sunday supplement of The Contemporary Chronicles of the Russian Herald) was being read by all Russia starting with the Emperor and including citizens and literate peasants. Michael Katkov was one of the national journalists who worked to form public opinion and actively influence the politics of the Russian Empire. He supported the reforms that served to strengthening the country and its political system, but condemned changes that might lead to outbursts in Russia. Katkov covered all the most important events of the epoch, including the Slavic Congress that was held in Moscow in 1867. In his publications devoted to the Congress of 1867 Katkov conducted efficient ideological work aiming to arouse interest in the Russian society to their congeners. In the articles published that year Katkov rejected any active interference of the government into the Slavic issues. Katkov always supported the idea of Slavic unity. In the twilight of his life, in 1887, Katkov wrote as follows: “Pan-Slavism in Russia is not the program of any party, but political confession of the Russian people”.

Keywords: Slavic Congress, M.N. Katkov, V. Makushev, J.G. Strossmayer, Austroslavism, F. Palatsky.

Катков и его роль в жизни пореформенной России

Михаил Никифорович Катков (1818-1887 гг.) был одним из тех отечественных журналистов, которые формировали общественное мнение и активно влияли на политику Российской Империи. С 1856 года он издавал журнал «Русский Вестник» (далее РВ), с 1863 г. – газету «Московские Ведомости» (МВ), воскресную газету «Современная Летопись Русского Вестника. Воскресное прибавление» (СЛРВ) с 1861 по 1871 гг. его издания читала вся Россия – от императора до мещан и грамотных крестьян. При жизни многочисленные поклонники Каткова называли его «Львовяrostным кормчим государственного корабля», «вождем охранительной России», «борцом за русскую правду», «государственным деятелем без государственной должности», «Столпом русского самосознания», «Громовержцем Страстного бульвара». Выдающийся философ Константин Леонтьев предлагал поставить на Страстном бульваре, где располагалась редакция катковских изданий, памятник Каткову при жизни. При этом Леонтьев хотел, чтобы памятник журналисту стоял рядом с памятником Пушкину. Не менее многочисленные противники великого журналиста именовали его «будочником русской прессы», «реакционером», «жрецом мракобесия», и другими подобными бранными кличками.

Нельзя не упомянуть о гигантском вкладе Михаила Никифоровича в русскую литературу. На страницах его изданий печатались: И.С. Тургенев («Накануне», «Отцы и дети», «Дым»), Л.Н. Толстой («Казачи», «Севастопольские рассказы», «Война и мир», «Анна Каренина»), Н.С.Лесков («Запечатлённый ангел», «Соборяне», «Захудалый род»), М.Е. Салтыков-Щедрин («Губернские очерки»), К.Н. Леонтьев (практически все его художественные произведения), Ф.М. Достоевский (все произведения 1860-80-х гг., кроме «Подростка»), помещались произведения Аксаковых, И.А. Гончарова, К.Д. Кавелина, И.И. Лажечникова, А.Ф. Писемского, С.М. Соловьева, А.Н. Майкова, В.С. Соловьева, А.А. Фета, и многих других. Многие из русских

классиков именно в изданиях М.Н. Каткова и дебютировали как писатели. Это относится и ко Льву Толстому, и к Н.С. Лескову, да и к большинству авторов.

По своим взглядам Катков был тем, кого в наше время называют государственниками. Журнал М.Н. Каткова «Русский Вестник» всецело поддерживал и внешнюю, и внутреннюю политику русского правительства. Но если панслависты обоих направлений, поддерживая лозунг единства правительства и народа, руководствовались главным образом своими собственными планами, стремлением поставить силы государства панславистским стремлениям, «Русский Вестник», наоборот, признавал «первенство правительства над обществом» [10, с. 196]. Это обстоятельство отнюдь не делало Каткова проправительственным агитатором.

Катков занимал совершенно самостоятельную позицию, выступая как против нигилистов и либеральных оппозиционеров, так и критикуя правительство через свою печать за бездеятельность, став как бы духовным лидером национально-государственной партии, обычно называемой консервативной или охранительной. Стоя на страже интересов Верховной власти, М.Н. Катков постоянно вступал в конфликт с теми влиятельными министрами и сановниками, которые, по его мнению, действовали в ущерб интересам России и ее политического строя. В этой борьбе с впадавшими в либерализм министрами Катков видел свой долг верноподданного: «При всём уважении, которое подобает правительственным лицам, мы не можем считать себя их верноподданными и не обязаны сообразовываться с личными взглядами и интересами того или другого из них. Над правительственными и неправительственными деятелями, равно для всех обязательное, возвышается Верховная власть: в ней состоит сущность правительства, с нею связывает нас присяга; её интересы суть интересы всего народа» [5, с. 3-4].

Позднее, учитывая роль Каткова в правительственном курсе, особенно в период начала правления Александра III, немногочисленные биографы великого журналиста писали о том, что в молодые годы Катков был либералом, а потом почему-то перешел в «лагерь реакции». Но Катков как раз был тем редким

русским интеллигентом, который никогда не менял вех и не сжигал то, чему поклонялся и не поклонялся тому, что сжигал. Реформы, укрепляющие страну и ее политический строй, он поддерживал, но изменения, которые грозили России смутой, он осуждал. Идее славянского единства Катков был верен всю жизнь. На закате своей жизни, в 1887 г., он писал: «Панславизм в России не есть программа какой-либо партии, а политическая исповедь русского народа» [4].

И всё же вплоть до 1970-х гг. сохранились стереотипы, что Катков был проправительственным журналистом. Так, в книге зарубежного либерального историка М.Т. Флоринского «Россия: История и интерпретация», вышедшей в США в 1970 г. и переведённой в России в 2013 г., отмечаются различия во взглядах панславистов. М.Т. Флоринский писал, что «широкого подхода панславянской политической программы время от времени поддерживались российские ультраконсерваторы, например, влиятельный реакционер-публицист М.Н. Катков, который не очень заботился об идеологических и исторических атрибутах панславизма» [15, с. 282]. Такое утверждение верно частично, только в силу того, что, симпатизируя славянам и славянскому движению, Катков всё же считал, что слишком пристальное внимание к славянскому вопросу только провоцирует конфликты России с другими державами и отвлекает средства от решения острейших внутрироссийских проблем.

Тенденциозное отношение к консерватизму и катковскому наследию сохранилось и поныне. На заседании круглого стола «Философия и идеология: иллюзия деидеологизации», состоявшегося в марте 2018 г., А.А. Кара-Мурза доказывал, что идеология, выражая сгустки массового сознания, способна развенчивать смыслы и превращаться в репрессивную. Так получилось, когда «либерально оппозиционную идеологию времен И.С. Аксакова, А.С. Хомякова узурпировали люди, которые использовали превращённую форму славянофильства как идеологическую дубину (М.Н. Катков, в ещё большей степени К.П. Победоносцев)» [14, с. 210]. Это лишний раз подтверждает неприятие Каткова и его наследия оппонентами из либерального лагеря.

Положение Каткова как деятеля оппозиции (пусть даже и оппозиции его величества) приводило к тому, что ни один редактор тогдашней российской прессы не имел столько столкновений с цензурой. За публикации, связанные со славянским вопросом, также были нарекания. Так, Катков получил предупреждение со стороны Министра народного просвещения за статью болгарского общественного деятеля Х. Даскалова «Турецкие дела», в которой содержались рассуждения о положении греческой церкви в Болгарии [8, с. 275-316]. После цензурного предупреждения за публикацию очерка Л. Каравелова «Неда. Рассказ моей бабушки» в письме в цензурный комитет от 29 июля 1858 г. Катков объяснял необходимость формирования сочувственного отношения к славянскому народу, «... тех самых болгар, от которых наше отечество получило церковную речь свою - первое орудие своего духовного просвещения и основной компонент своего светского образования» [12, с. 88].

Катков и зарубежные славяне

Славянская тема всегда присутствовала на страницах изданий Каткова. Еще в первых выпусках «Русского Вестника», начиная с 1856 г., Катков проявлял внимание и к братским славянским народам¹. Славянский съезд 1867 г., естественно, не остался незамеченным Катковым. В «Русском Вестнике» тему славян освещали: историки Н.А. Попов, А.Н. Пыпин, П.К. Щербальский, публицист Е.М. Феокистов, дипломат и философ К.Н. Леонтьев.

Но в отличие от восторженного для славянофилов и казенного воодушевления официальной прессы, катковские издания сохраняли объективность. Два фактора этому сопутствовали. Как раз в апреле-мае 1867 г.,

¹ Например, «Новости польской литературы П.И. Дубровского» в № 6 РВ за 1856 г. В приложении Современной Летописи», приложение к Русскому Вестнику» (далее – СЛРВ) была издана заметка писательницы Натальи Васильевны Погожевой «Славянская колония в Неаполитанском королевстве» (с. 59-65, т. 10, 1857 г.) В Т. 19, 1859 г. – «Майор. Малороссийская повесть» П.А. Кулиша. В апрельском выпуске 1860 г., Т. 26 – «Сербская песня» в переводе А.Н. Майкова; Работа А.С. Троянского «Карл Гавличек-Боровский» (1861, июль, Т. 34); его же «Чешская деревня – село Гудлицы» (1861-1862 гг.); «Заметки из путешествия по Далмации и Черногории» (1863 г.); в № 13 за 1867 г. СЛРВ – очерк «Русские в Галиции» – без автора. В январском выпуске 1865 г. – очерк Попова Н.А. «Сербы в Австрии»; Пыпин А.Н. «Два месяца в Праге»; Феокистов Е.М. «Россия и Сербия перед последней восточной войной» (1869); Леонтьев К.Н.; Дубровин Н.Ф. «Сербский вопрос в царствование императора Александра I», (1863 г.). Биография Ф.Палацкого в СЛРВ за 1865 г., № 30, 33.

когда и проходил Славянский Съезд, главный орган славянофилов, издаваемая Иваном Аксаковым газета «Москва», которая могла бы подробно освещать съезд, была временно приостановлена цензурой [3], начала заново выходить только в июле, получив повторное цензурное предупреждение [11]. В силу этого Аксаков писал о Съезде уже постфактум. К тому же, большинство славянских гостей на своей Родине были политическими оппозиционерами. Хронику пребывания славян в России описывали официальные «С.-Петербургские Ведомости», «Голос», «Северная почта». Не случайно поэтому «Московские Ведомости», публикуя материалы собственных корреспондентов, также и перепечатывали хронику пребывания славянских гостей из этих изданий. Резко против Славянского съезда выступили крепостническая «Весть» и официозный “St-Peterburger Zeitung”. Но всё же газета Каткова «Московские ведомости», принадлежавшая Московскому университету, в силу своего положения, должна была освещать официальную хронику и текущие события.

Говоря о позиции Каткова и «охранителей», необходимо вспомнить время проведения Съезда. Восстание на Крите, начавшееся в 1866 г. (подавленное турками три года спустя) вызвало активность среди народов Балкан и оживление движения против Османской империи. Вооружённые «чѣты» формировались в Болгарии, Фессалии, Эпире, Македонии и других землях. В 1866 г. на съезде в Нови-Саде была создана организация «Омладина», стремящаяся создать Великую Сербию. Правительство России к такой активности первоначально относилось очень настороженно. Как писал Д.А. Милютин, «наше министерство иностранных дел постоянно стремилось успокаивать и охлаждать незаконные увлечения наших единоверцев и, несмотря на это, славянское население Оттоманской империи не переставало рассчитывать на помощь России» [9, с. 84, 90].

Канцлер Горчаков в письмах писал ещё более настороженно, что восточный вопрос – основная задача русской политики, но необходимо пока «поддерживать статус-кво на востоке, т.к. в этот момент оно может быть нарушено лишь в ущерб нам, ибо мы не в состоянии еще извлечь из этого

нарушения выгоды, на которые имеем право» [9, с., 90]. Но, несмотря на все пожелания российского правительства, на Балканах развернулся национальный подъем славянских и христианских народов. Уже в скором времени насилие, терроризм и повстанческая деятельность стали частью образа жизни на Балканах.

В 1866 г. Австрия перестала быть соперницей в деле объединения Германии. Канцлер О. Бисмарк в этот период особое внимание уделял Балканам, активно вмешиваясь во внутренние дела Сербии, Румынии, таким образом стремясь осложнить положение Австрии. Через своих генералов Бисмарк обратился с призывом к венгерскому и чешскому народам восстать против Габсбургов, и даже одобрил создание «национально-венгерского легиона», рассчитывал побудить Сербию к вооруженному выступлению против Австрии. Через подставных лиц было даже предложено князю Михаилу Обреновичу организовать добровольческие партизанские отряды, которые в соответствующий момент должны были бы вторгнуться в Австрию. В качестве уступки Обреновичу было дано обещание, что на мирном конгрессе Пруссия возьмет дело Сербии в свои руки [2, с. 40-41]. Однако этим планам не удалось реализоваться. Обренович не пошел на такое соглашение.

Всё же 1867 г. был для славян временем надежд. Сербский премьер И. Гарашанин стремился установить тесные связи между христианскими народами Балкан, включая Румынию. Михаил Обренович в апреле 1867 г. лично прибыл в Бухарест с предложением заключить союз. Но румынский король Карл Гогенцоллерн отверг это предложение о союзе [2, с. 127]. В Белграде прошли празднества в напоминание о сербском восстании 1815 г. [6, № 22], но в самой Сербии, напоминая Катков, также нет стабильности. Скупщина (сербский парламент) призывает обратиться на Россию. «Святоандрейские либералы, приверженцы британских и швейцарских политических свобод во внешней политике, также, как ни странно, требовали опереться на царскую Россию. Уже тогда сербская интеллигенция научилась отделять свои идеологические предпочтения от реальной, государственной внешней политики» [7, с. 193]. При

этом амбициозный сербский князь Михаил Обренович пытался создать антитурецкий военный союз с участием болгарских революционеров, которые начали создавать Болгарский Легион. В числе главных организаторов Легиона был русский офицер болгарского происхождения Константин Кесяков.

Использовалась сербским князем также и пресса: Обренович пытался «использовать болгарскую газету Г.С. Раковского «Дунайский лебедь» для утверждения первенствующей роли Сербии среди славянских народов Балканского полуострова. Эта газета рассматривалась как важный неофициальный канал, по которому информация о политике Сербии становилась бы известной далеко за её пределами». О восстании в Болгарии Катков писал: «Движение болгарского воскресающего народа распространяется во все концы Балканского полуострова, прикасаясь с одной стороны к провинциям, действующим под знаменем Греции, а с другой к Дунайским и Сербским княжествам. В Боснии и Герцеговине неминуемо вспыхнет такое же восстание, как в Болгарии. Не случайно турецкое правительство сосредоточило в этих областях до 30000 войска и переселяет туда черкесов. Турецкие власти не находят средств удержать босняков и герцеговинцев от песен в честь сербского князя, от тостов за его здоровье. Недавно мы были свидетелями с каким энтузиазмом принят был, особенно сербами княжества, тост в честь князя Михаила на обеде в зале Московского университета. ... Глядя на воодушевлённые, можно сказать, вдохновённые лица наших гостей княжеской Сербии, нам казалось, что они приветствовали не столько настоящее, сколько будущее своего народа». Далее он продолжал, что русская печать и русская публика, и в особенности правительство с сочувствием следят за всеми перипетиями, которым суждено дать новый вид всей юго-восточной Европе. «Россия как государство не может принять непосредственное участие в тамошних делах: её вмешательство вызвал бы европейскую войну и, следовательно, не пособило бы, а повредило бы делу. Но она должна знать и знает, что падение этого дела было бы и её падение, что её судьбы нераздельны с судьбами православных населений Востока, что их освобождение есть лучшее

обеспечение плодотворного развития сил русского народа и лучшее ограждение самостоятельности, величия и славы Русского государства. Она не может и не должна быть равнодушной зрительницей происходящего; она обязана содействовать охватившему Восток Европы движению всеми теми средствами, которые открыты для великого государства без нарушения европейского мира. Благоприятная минута не должна быть упущена и Россией» [6, № 147].

Для западных славян 1867 г. был ознаменован созданием Северо-Германского Союза – последнего шага перед объединением Германии², государственными реформами в монархии Габсбургов. В результате австрийско-венгерского компромиссного соглашения, подписанного в феврале, на свет появилась дуалистическая Австро-Венгрия. Это обстоятельство вызвало к жизни движение австрославизма. Так называлось политическое движение ряда славянских народов Австрийской монархии за реорганизацию империи Габсбургов на федеративных началах при опоре на славянское большинство империи. В концепции австрославизма изначально присутствовал сильный антирусский компонент. Защита Австрии обосновывалась как защита демократии от угрозы поглощения варварским русским царизмом. Согласно австрославистской концепции, только сильная «славянская Австрия» способна спасти западное славянство от крепких объятий «русского медведя» и объединяющейся Германии: «Соединение богемской короны, – писал Палацкий вскоре после Съезда, – с великой Австрийскою державой, если последняя образуется в государство федеративное, послужит лучшим обеспечением для нашей историко-политической и лингвистической индивидуальности» [6, 1867, 4 июля]. Австрослависты считали необходимым превращение дуалистической Австро-Венгрии в триалистическую Австро-Венгро-Славию. Особую популярность идея триализма получила в Чехии, которая считалась королевством под скипетром Габсбургов. Виднейшими австрославистами были чешские деятели, лидеры партии старочехов Ф. Палацкий и Франтишек Л. Ригер, участники Съезда 1867 г. В Венгерской части дуалистической монархии

² Устав напечатан в кельнской газете 16 февраля, его обзор - в СЛРВ, № 7, от 12 февраля 1867 г., с. 1.

австрослависты требовали провести реформы с целью создания национально-культурной автономии славянам и прекращения политики мадьяризации.

Совершенно не одобряя такие мечтания, именно в дни пребывания славян в Москве, Катков писал о невозможности федерации: «Славяне радовались ослаблению Германского значения Австрии, и уже составляли программу ее будущих судеб как державы славянской и её успехов в разрешении Восточного вопроса. Федерализм, который мелькнул на минуту перед нашими соплеменниками, есть химера; химера также и мысль, что империя Габсбургов может когда-нибудь превратиться в державу славянскую. Говорят, что существование Австрии есть необходимость; говорят, что если б Австрия не имелась на лицо, её надобно б было выдумать. Федерализм хуже, чем откровенный дуализм фон-Бейста. Этот возбуждает, а тот усыпляет, этот вносит правду в положение дел, а тот туманил умы и вносил в них смуту. Г. фон-Бейста следует, нам кажется, внести в список самых ревностных и успешных двигателей славянства» [6, 1867, № 111].

Польский вопрос в славянском движении.

«Старый спор славян», т.е. русско-польские отношения, с особой силой проявились во время подготовки и проведения Съезда. Польские представители дружно бойкотировали Съезд, а польские эмигранты в Париже выпустили Манифест против Съезда. По поводу этого Катков ответил, что «Россия враждует не с поляками, а с польской идеей». Непосредственно во время Съезда, 25 мая (6 июня) в Париже польским эмигрантом Антоном Березовским было совершено покушение на императора Александра II. Новость о покушении на императора Александра II, как отмечал Катков, поразила славянских депутатов: «известие об опасности, которой подвергалась жизнь нашего Государя в Париже, прибыло в Москву посреди её славянских праздников. Было отслужено благодарственное, с коленопреклонением молебствие, в котором наши славянские гости принимали усердное участие. Все смолкло пред этою потрясающею вестью; все были полны одною мыслью, одушевлены одним

чувством. Никаких иных речей не слушали, ни на какой иной тост не было отзыва... Когда один из славянских гостей, выражая чувство, возбужденное внезапною вестью, сказал взволнованным голосом, что она поражает не только Россию, но и весь славянский мир, гром восклицаний наших соплеменников был ему ответом, но когда он прибавил затем, что негодование, возбужденное покушением на жизнь Императора Александра, и радость о избавлении Его жизни от опасности с особенною силой отзовутся в сербах, то остальные настойчиво прерывали его, восклицая: «Равно во всех славянах, во всем славянском мире» [6, 1867, № 115].

Далее, в № 143, 150, 151, 152 корреспондент МВ из Парижа освещал процесс Березовского, о результатах которого было такое описание. «Императорским парижским апелляционным судом в качестве палаты предания суду было принято постановление относительно отсылки в ассизный суд (т.е. суд присяжных – Л.Г.) Антона Березовского, обвиняемого в покушении на убийство Его Величества Императора Всероссийского. Суд собрался 04 июля. Товарищ генерал-прокурора представил требование, подписанное им 2-го июля». Описывалось о том, что Березовский сражался в 1863 г. в рядах польских мятежников. Тщетно прождав в Галиции приказа снова принять участие в мятеже, он искал убежища сначала в Германии, а потом в Бельгии. В Париж он прибыл только в первых числах ноября 1866 г.

Он работал в литейне Гуэн, с платой в 30 сантимов в час; от полицейской префектуры ему назначена была ежемесячная субсидия в 35 франков. Желая обучаться французскому языку, он провел 10 месяцев в учебном заведении. С 30 апреля Березовский был совершенно без дела. В итоге, «Апелляционный суд приняв в соображение, что ... обвиняемым покушение, начатое исполнением, не имело успеха вопреки воле виновного, и только вследствие обстоятельств, от него не зависевших; ... суд приказал, чтобы Березовский был предан суду и отослан в ассизный суд Сенского департамента для произведения над ним приговора» [6, 1867, № 143, 150, 151, 152]. Так власти Франции покушение на

Императора решили рассматривать не в Императорском суде, а в обычном суде присяжных города Парижа.

Оперативность редакции

Редакция Каткова получала телеграммы из Русского телеграфного агентства, а также выписывала множество зарубежных газет и журналов, а сами сотрудники могли свободно и достаточно быстро анализировать эти издания, что позволяло знакомить российского читателя со всеми откликами на международные отношения в зарубежной прессе. Вот неполный перечень изданий, со ссылками на которые делался анализ текущих событий: далматинская газета “Narodni Listy”; немецкая газета “Die Zukunft”, издававшаяся сначала в Кенигсберге, а затем в Берлине. Другие издания: “Morning Herald”, “Times”, “Daily News”, “Neue Freie Presse” (Австрия); “Presse” (Вена). Например, была перепечатка из “Allgemeine Zeitung” (от 18 сентября) – о столкновении под Сливеном 1200 турецких редифов (подразделения турецкой армии вспомогательного типа) с болгарским дивизионом, окончившемся неудачно для турок. Другие издания приводим так, как указано в МВ: «Всеобщий Монитор», где была информация о разрешении открыть болгарскую высшую школу в Филипполе, «Пештский Ллойд», “Pesti Naplo” – в № 208 – о переговорах Кошута и Гёргея с русскими военачальниками в 1849, газета из Генуи “Movimento”, где было опубликовано письмо Гарибальди, сербская «Световид», венская “Neue Freie Presse”, “Le Nord”, “Journal des Débats”, “Indépendance Belge”, “Liberté”, “Eterdart”, датская “Dagbladet”. В наши дни редко какое интернет-агентство может делать такой обзор зарубежной прессы, причем с такой оперативностью.

Издания М.Н. Каткова о Съезде

Накануне Съезда Катков стал помещать все больше материалов о славянских делах. В № 7 «Современной Летописи» (приложения к Русскому Вестнику) за 12 февраля 1867 г. была помещена статья о том, как хорватский

кардинал католической церкви и виднейший панславист, прозванный «отцом Югославии» Йосип Штросмайер, участвовал в создании «Южнославянского университета» и о планах создания национальной академии наук и консерватории: «Мысль о создании университета, который был бы средоточием ученого образования была высказана ещё в 1790 г. После присоединения Венецианского королевства к Италии потерян был для Австрийской империи университет Падуанский – единственное высшее образовательное заведение для Истрии и Далмации, заселённых почти одними славянами, которые, однако, благодаря ошибкам австрийской политики, в большей или меньшей степени отдалились от славянского характера, мало по малу обитательянились. Если исключить южную часть Тироля, где итальянское население перемешано с немецким и имеет свой университет в Инсбруке, то можно принять за положительно верное, что всё остальное население в границах нынешнего Итальянского королевства, говорящее славянским наречием, не имеет своего университета. А потому основать в Загребе университет, с преподаванием на сербскохорватском языке, значило бы дать высшее учебное заведение всем юго-западным землям Австрийской империи; ибо нельзя желать, чтобы население этих земель получало высшее образование вне империи, в Падуанском или в каком-либо другом итальянском университете. В проекте три факультета: Богословский, юридический (собственно юридических и политических наук); историк-филологический» [13, 1867, № 7].

Рекламировалась работа «Задунайские и Адриатические славяне» Викентия Васильевича Макушева (1837-1883 гг.), ранее бывшего российским консулом в Дубровнике [6, 1867, № 87; 13, 1867, № 17], изданная объёмом более 300 страниц в этом же году в Санкт-Петербурге. К сожалению, творчество и работы В. Макушева об истории славян до сих пор не привлекают внимания исследователей.

На страницах «Московских Ведомостей» освещалась новости: о празднестве в Белграде в воспоминании сербского восстания 1815 г.; о заседаниях сеймов Богемии, Моравии и Крайны (№ 74, 1 апреля, 1867 г.); о

выборах в имперскую думу (6 апреля 1867 г.). Например, в № 83, писалось о новых гонениях на славянскую печать в Австрии; о том, что в Пражском сейме недовольство связано с назначением в маршалы (председатели) сейма Гартига, не знающего по-чешски и его наместника, Лимбека, плохо понимающего чешскую речь. Маршал обещал расширение автономии страны, если она вышлет депутатов в имперскую думу. Отмечались и притеснения славян: в № 49, от 3 марта 1867 г. помещена перепечатка из хорватской газеты «Позор» от 22 февраля «О насилиях, которым подвергаются сербы в Боснии»: «в 1865 г. Турция ввела в действие гат-гамаюн (в настоящее время принята форма написания «хатт-и-хумайюн» – Л.Г.) посредством учреждения вилаэтов (провинций) имевших целью централизацию. Поклонникам Корана неприятно видеть, как неправовверный заседает рядом с ними в межлисах, и как он, рожденный рабом турка, смеет хоть по наружности считать себя равным им». Или в № 72, 31 марта 1867 г. информация из этой же газеты «Позор» о том, что профессор из Цюриха – Шерр, автор «Истории всеобщей истории», утверждал, что черногорцы разбойники по рождению и ремеслу.

Накануне съезда, в разделе «Хроника» [6, 1867, № 76], а затем и позже, было помещено известие об издании русской газеты в Вене «Славянская заря», которая должны выходить с 1 мая. Редактора Иосиф Ливчак и Ксенофонт Климкович, описали программу своего издания, заканчивавшуюся словами: «... западное славянство должно образовать свой особый политический центр, создать свою особую централизующую государственность, и тогда оно, будучи солидарно в своих интересах, с интересами единоплеменной России, необходимо станет к ней в дружественные отношения. ... Итак, мы желали бы видеть в Европе два великие славянские государства с одним русским языком - в вечном естественном союзе между собою, основанном на общенародном славянском сознании и на проистекающей отсюда солидарности общеславянских интересов» [6, 1867, № 76, 170, 188].

Несмотря на публикацию такой рекламы, издания Каткова не могли поддерживать и последовательно проводить идею создания независимого

славянского государства в Европе. Сам Катков в этот год в своих статьях настойчиво отказывался от любого активного правительственного вмешательства в славянский вопрос. В статье «В чём состоит национальная политика России и какого отношения она требует к славянам» он писал: «Священный союз держал Россию в сфере совершенно чуждых ей интересов, разобщал ее правительство с ее страной. Русский народ ничего бы не выиграл от того, если бы какими-нибудь судьбами вошли в его государство те славянские народности, которые изнывают теперь под османским владычеством или метутся в разлагающейся Австрии... Несравненно выгоднее России находиться в кругу дружелюбных ей независимых политических существований» [6, 1867, № 105].

Всё же съезду в изданиях М.Н. Каткова предшествовала определенная идеологическая подготовка с целью пробуждения в русском обществе интереса к своим соплеменникам. Более чем за месяц до начала съезда устраивались публичные лекции:

- 4 апреля 1867 г. М.П. Погодин прочел лекцию «О славянских племенах»;
- 6 апреля 1867 г. – были публичные лекции от общества любителей естествознания А.П. Богданова «О значении краниологии»;
- П.К. Щебальского «Потемкин и заселение Новороссийского края».

Описывалось, что Русское Историческое общество образовано в Санкт-Петербурге в конце 1866 г. с целью издания материалов, касающихся истории, преимущественно послепетровского периода, а Наследник Цесаревич принял звание Почетного председателя, а его Высочество князь Владимир Александрович – звание почетного члена Исторического общества [6, № 71, 1867].

Проводились заседания научных обществ: Русского исторического общества, хроника его заседания в № 72, от 28 февраля 1867 г. Первое заседание происходило в помещении вице-канцлера А.М. Горчакова, принимавшего участие в качестве высшего начальника государственного архива. Наследник принял звание почетного председателя этого общества и произнес речь. Была

информация о деятельности чешских композиторов А. Дворжака и Б. Сметаны в создании Московской консерватории и Э.Ф. Направника в создании дирижерской школы в Мариинской театре [6, 1867, № 30], о преобразовании Академии Наук [6, 1867, № 54], заседании Общества любителей Естествознания и Общества любителей Российской словесности [6, 1867, № 79]. Публиковалась информация о пожертвованиях, поступающих в редакцию в пользу русских в Галиции [6, 1867, № 80].

Английский историк Д. Бредли, анализируя развитие гражданского общества в царской России, пишет, что общественные организации «давали русским возможность проявлять инициативу, социальную активность, совместно работать для достижения общих целей. Они стали точкой пересечения разнонаправленных потоков общественно-политической жизни: с одной стороны, стимулировали партнёрство между государством и обществом, с другой – самим своим существованием способствовали высвобождению общества из-под режима личной власти императора и произвола бюрократического аппарата» [1, с. 26].

Надо отметить, что выставка была доступна и для малообеспеченных граждан и детей. Была информация, что «Общество любителей Естествознания желает сделать русскую этнографическую выставку доступной для всех учебных заведений, в которых воспитываются дети недостаточных родителей», и что «они имеют обратиться с заявлением своего желания к председателю комитета выставки Василию Андреевичу Дашкову» [6, 1867, № 75, 80].

Сам Катков, после посещения выставки, не вдаваясь в подробности описания, предложил читателям, и, скорее устроителям выставки, обратить внимание на «великорусскую группу. Русский Архитектор считал обязанностью срубить криво и безобразно русскую избу, это де ближе к действительности! Русские плотники должны были *нарочно* работать дурно, чтобы быть *ближе к действительности*... Вот реализм, доведённый до оригинальной нелепости!.. Да принесет по крайней мере выставка ту пользу, которую иногда приносит горькая сатира. Выставка, изобразив с невыгодной стороны русский быт, пусть

популяризирует убеждение, что нам надобно побольше заняться своим народом. Пусть ее наследие, Этнографический Музей, разрастается, и пусть ещё на нашем веку возникнет потребность во второй выставке, на которой даже и псевдореализм не имел бы повода помещать то, что теперь так болезненно действует на русское сердце» [6, 1867, 30 апреля].

Позже составители «Собрания передовых к МВ» назвали эту статью «Псевдореализм в изображении крестьянского быта».

Накануне съезда, в апрельском выпуске «Русского Вестника» появилась статья П.К. Щебальского (1810-1886 гг.) под названием «Прежний и нынешний панславизм». П. К. Щебальский писал: «приезд в Москву депутатов от разных славянских земель – факт слишком новый в истории славянства, факт, может быть чрезвычайно важный и о котором так много говорят иностранные газеты, что было бы странно не обратить на него серьёзного внимания и русской печати. За границей и у нас снова заговорили о панславизме» [16, с. 830].

Далее он пишет, что эта идея всегда использовалась по-разному против России: когда надо было воздвигнуть против России европейскую коалицию, панславизм был яблоком раздора, и причиной недоразумений между Россией и заграничными славянами. В сущности, это своеобразный хамелеон, и почему именно он меняет цвета, смотря по тому, кто на него смотрит? «Результатом его может быть создание нескольких славянских областей, с известною долей внутреннего самоуправления, а не славянских государств с полною политическою жизнью. Идея панславизма, собственно говоря, утратилась в этом движении» [16, с. 834].

Это движение, по словам Щебальского, «не останавливается, не имеет общего центра и производится раздробленными силами. Оно имеет задачей как будто восстановление различных славянских народностей, а не образование славянской нации, единой по духу, если не по формам политическим». Щебальский, в итоге пишет: «мир славянский ещё только вступает на историческую сцену, которую столько веков исключительно наполняли народы романского и германского происхождения» [16, с. 836].

Катков о России и славянстве

В статье «Славянский мир и Москва» (позже так названной составителями), в период Съезда М.Н. Катков писал: «это всеславянское собрание, – и притом в Москве, – явление поразительное. Ничего подобного никогда не бывало, ибо съезды австрийских славян не могут идти ни в какое с этим сравнение. Люди разных народностей, разных государств, разных религий, разных образований и общественных положений свободно собираются как люди, у которых есть одно общее чувство и одно общее дело. И все эти собравшиеся с разных сторон люди оказываются не случайною толпой, а выражением чего-то целого, какой-то великой единицы, которая до сих пор в действительный счет не входила, а держалась только в уме. Оказывается, что есть нечто, называемое славянским миром, который существует не в одном воображении или отвлеченном представлении, а в действительности, и обнаруживает некоторые явления какой-то общей ему жизни, каких-то общих ему тяготений. Тот призрак, которым политики Священного Союза, бывало, пугали детей, является воочию. То, что лет двенадцать-пятнадцать тому назад было под страшным запретом и не дерзало показываться на свет, теперь разливается в воздухе, овладевает умами и у всех на языке. Этот несчастный панславизм, загнанный в область непозволительных утопий, становится формулой, быть может, ещё не совсем ясною, но формулой чего-то очень жизненного и практического. Чем незначительнее случай, вызывающий проявление идеи, тем более обнаруживается её действительность и сила» [6, 1867, №110]. Тут же, рассматривая, что ни государственного, ни церковного единства славянский мир не представляет, «тем и поразительнее та sui generis сила, которая определяет его и которою он держится. Нет ничего обыкновеннее тех интересов, которые собирают людей принадлежащих к одной политической национальности, к какому-нибудь одному политическому целому, точно так нет ничего удивительного в общении людей, исповедующих одну веру; но мысль невольно задает вопрос, что такое даёт себя чувствовать в массах и людях, не

имеющих между собой ничего общего кроме племенного происхождения, да еще одного исторического предания, воплощенного в двух святых образах первоучителей славянских» [6, 1867, №110].

Государственник Катков с искренним чувством подчёркивал о движении славян: «Русское правительство не принимало в них ни малейшего участия. Достаточно было их видеть, чтоб убедиться, что никакое правительство в мире не может искусственно вызвать нечто подобное» [6, 1867, № 128].

Россия, Европа и славяне

Всё же признавая активную роль родственных народов в истории, подводя итоги новой сложившейся ситуации, Катков пишет: «Европа разделена, а у России есть союзники, на которых она может надёжно опираться и которых интересы совершенно солидарны с её собственными. Эти союзники суть родственные ей населения Востока. Она может смело рассчитывать на них, но под условием, чтоб и они точно также могли на неё, что она не упустит из виду собственных интересов своих, в которых она солидарна с ними. Дипломатия дипломатией, но мы можем поддержать на Востоке наше дело, которое, слава Богу, есть в тоже время, дело человечества, только возвышая дух и бодрость тамошних населений и обнаруживая твёрдую решимость отстоять их до конца» [6, 1867, №148]. Так, в отличие от многих придворных политиков, верящих, что история «толкается» только профессиональными политиками, Катков подчёркивает, что она свершается не только на полях сражений, не только цари и дипломаты её активные деятели, но и простые народы.

В статье «Славянский мир и Москва», отмечая роль России, он пишет: «История Москвы есть история суровая. Она не говорит воображению и не влечет к себе горячих симпатий со стороны. Политика Московского государства была беспощадная и жестокая. Всякий имеет чем-нибудь упрекнуть её, и мало кому она по сердцу. Но не будь этого сурового прошедшего, где был бы теперь славянский мир и что значила бы славянская идея? Разобщенный с целым миром, страдал и боролся русский народ за свое существование, но не спасал ли он с тем

вместе и будущее славянского племени, которому теперь не оставалось бы ничего кроме гибели, если бы в ту давнюю пору не устояла Москва» [6, 1867, №110].

Итоги Съезда в оценке Каткова

Об итогах Съезда Катков писал: «Если бы оказалось, что славянская идея, эта взаимность и общение славянских народностей, так громогласно возвещавшие себя, были только праздным звуком, что все эти торжественные встречи и праздники, которыми мы «подчивали» славянских братьев, были только случайной демонстрацией, о которой на другой же день мы тут же позабыли, то было бы лучше, в тысячу раз лучше, никаких праздников не затевать и никаких речей не говорить, – лучше было бы и для братьев славян и для нас самих. Если бы все это оказалось для нас самих пустым звуком, движением автомата или какой-нибудь неискренностью, то мы очутились бы в большем проигрыше. Мы стяжали бы себе великие *минусы* – презрение и ненависть, тем более глубокие и ожесточенные, чем живее были обманутые нами сочувствия. Нет хуже врагов, как друзья, ставшие врагами. ... Нашими славянскими праздниками мы приняли на себя обязательства, которые мы должны исполнить, если не хотим потерять всякий кредит. А требуется очень немного для того чтобы поддержать наш кредит и упрочить за собою те сочувствия, которые особенно при нынешних обстоятельствах были бы ничем не заменимою силой нашей в Европе. Здесь, давать, значит получать, и здесь каждая русская копейка тотчас становится для России большим и превосходно помещенным капиталом» [6, 1867, № 247].

Таким образом, можно заметить, что издания М.Н. Каткова весьма оперативно и объективно освещали Славянский Съезд 1867 г. Более того, в значительной степени значение Съезда было обусловлено той широкой рекламой, которая была обеспечена изданиями Каткова.

Список источников информации

1. Бредли Д. Общественные организации в царской России. Наука, патриотизм и гражданское общество. – М.: Новый хронограф. 2012. С. 26.
2. Виноградов В.Н. (Отв. ред.). Международные отношения на Балканах. 1856 – 1878 гг. – М., Наука. 1986.
3. Греков В.Н. «Я иду своей дорогой» Иван Аксаков о журналистике без шипов, цензуре и запрещении газеты «Москва» // Медиаскоп, 2011, № 2.
4. Катков М.Н. Интрига своих и чужих врагов против русского чувства // Московские ведомости. № 260, 20 октября, 1887 г.
5. Катков М.Н. О самодержавии и конституции. М., 1905.
6. Катков М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей»: в 25 т. М., 1897.
7. Кович М. Россия и парламентаризм в Сербии (XIX век) // Таврические чтения 2014. Актуальные проблемы парламентаризма: История и современность. Сб. ст. СПб., 2015.
8. Любимов Н.А. М.Н. Катков (по личным воспоминаниям) / Воспоминания о Михаиле Каткове // Составление, предисловие и комментарии: Г.Н. Лебедева / Отв. ред. О.А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации. 2014. С. 275-316.
9. Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Чёрного моря, 1856-1871 гг. – М.: Наука. 1989.
10. Никитин С.А. «Русское общество и вопросы балканской политики России. 1853-1876 гг.» // Славяне и Россия: к 110-летию со дня рождения С.А. Никитина: Сборник статей / институт славяноведения РАН. – М., ТЕЗАУРУС, 2013.
11. О приостановке «Москвы» // Московские ведомости, 11 июля, № 151, 1867.
12. Перевалова Е.В. Отдел иностранной литературы в журнале М.Н. Каткова «Русский вестник» // Вестник МГУП имени Ивана Фёдорова. 2011. № 7.
13. Современная летопись Русского Вестника. 1861-1871.

14. Сыродеева А.А. Философия и идеология: иллюзия деидеологизации (обзор «круглого стола») // Вопросы философии. 2018 № 7.
15. Флоринский М.Т. Россия: История и интерпретация. Т. 2. СПб., Наука, 2013.
16. Щебальский П.К. Прежний и нынешний панславизм» // Русский Вестник. 1867, т. 68.